

ИВАН ДЫХОВИЧНЫЙ: В АСКЕТИЗМЕ У ЧЕЛОВЕКА БОЛЬШЕ ЖИЗНЕННОЙ ЭНЕРГИИ

— Иван Владимирович, как бы вы охарактеризовали прошедшее кинематографическое десятилетие? Что, по-вашему, было в нем самым примечательным?

— Мытарства. А вообще эти 10 лет оказались весьма занятыми и показательными. Нам было послано испытание, не художественное, а человеческое, которое отразилось и на кино. Кажется, что все, происходящее в нем, зависит от денег, а на самом деле — это следствие изменения самой жизни. Переменилось все — система взаимоотношений, статусы, социальные ориентиры, жизненные ценности. Вернее, старые ценности дискредитировались, а новые так и не возникли. Зато появилось стремление нравиться зрителю в любом случае. Воспитывается поколение, общий стандарт которого — кич. Это, пожалуй, единственная художественная ценность, утвердившаяся за последние годы. Посмотрите вокруг: ходят похожие друг на друга, вытянутые, как манекенщицы, девушки; все лоснится, дома в Москве (а Москва — это авангардное выражение всей страны) с фасада стали как лакированные. Такая оперная вампука. Все с виду очень западное, буржуазное. Вдруг оказалось, что мы ужасно буржуазные люди. И те, у кого есть деньги, вовсе тратят их зачастую на какие-то сомнительные вещи.

Объясняет это тем, что раньше мы были нищими, не имели возможностей для украшения своего быта и так далее. Но, во-первых, не такими уж нищими мы были. А во-вторых, в сложной аскетической ситуации у нас были определенные духовные ценности. В каждом городе была своя духовная среда, своя культурная жизнь. На фоне страшной лжи, демагогии якобы коммунистического, а на самом деле чиновничьего, тоталитарного бреда, люди, уверенные в своих ценностных ориентирах, сохраняли чувство собственного достоинства.

А так называемая «свобода», которая пришла потом, на самом деле иллюзорна. Человек сегодня внутри себя не свободен. Внутренняя свобода воспитывается, как ни странно, под давлением, в аскетизме у человека значительно больше желания жить и больше жизненной энергии, чем тогда, когда многое ему доступно.

Должен отметить еще важный момент — никто не оказал такого негативного влияния на кинематографический процесс, как наши критики. Они (за исключением нескольких человек) оказались некой капризной командой, которой все не нравилось. Особенно много нападок вызывали те фильмы, в которых действительно были ростки чего-то нового. Такое всегда уязвимо, трудно укутить вещи усредненные, потому что они похожи на что-то уже виденное. Любое же своеобразие критиками воспринималось агрессивно, любая попытка говорить о чем-то серьезно тут же объявлялась фальшивым пафосом. Это вместо того, чтобы почувствовать и поддержать пусть не зрелое, но самобытное явление — иногда ведь совет, аккуратная подсказка могут сыграть большую роль в творческой судьбе художника.

— Который обязательно должен быть свободен?

— Творческая свобода — это освобождение художника от многих зависимостей и комплексов. Не хочу их перечислять, они не имеют к кино прямого отношения, это интимное дело каждого человека. Прodelать свой путь к творческой свободе он может в любое время и в любом месте, если это, конечно, не тюрьма. Хотя и там люди могли творить, тому есть известные примеры.

Последнее время наши фильмы все больше ориентируются на западные образцы. Это выбор (думаю, что свободный) тех, кто делает кино. Остается надеяться, что со временем оно все же сумеет вернуться к своему собственному пути. У кино должны быть свои корни. Андрей Тарковский не чуждался Бергмана, Бресона, Бунюэля, но каждый его фильм «вырос» на родной почве.

— В своем стремлении снимать только авторское кино Тарковский был одинок в те годы. В наше время говорят о целом направлении авторского кинематографа. Как можно оценить его противостояние привычному жанру?

— То есть сам факт этого противостояния придуман критиками?

— Ну, конечно, ведь нужно чем-то заниматься огромному количеству людей, которые живут вокруг кино. Вокруг одной елочкой пляшут сотни людей, этак елочка может и не выдержать! А на самом деле существует хорошее кино и плохое. Хорошее часто называют авторским. Таких фильмов всегда немного. Плохих много. Количество сора в нашем кино превосходит всякую возможность. Деревья задыхаются и умирают, когда его в лесу слишком много, так и кинематографы от него душно. Многовато всяких перформансов, какого-то параллельного кино...

— А что вы думаете об ответственности художника в этой ситуации?

— Ответственность у художника такая же, как у обычного человека. Когда вас никто не контролирует, никакие обстоятельства вас не поправляют и вам разрешено все, то это «все» полностью зависит от вашего собственного контроля. Вы должны отвечать за то, что с вами будет. Что такое метафорический язык? Вы высказываетесь иносказательно в силу того, что нельзя говорить прямо. Когда же вам дают возможность говорить что хочется, то неожиданно выясняется, что это может прозвучать вульгарно, пошло, глупо и т.д. А иносказательность и метафорическая форма дают художнику шанс создать некий образ. Увы, сейчас образ не самое главное. Вот проблема.

Режиссеры думают: «Жизнь коротка, хочется все успеть, почему не сделать то-то и то-то?» Появилось поколение, которое говорит: «Мы сильнее, зубастее, умнее вас, мы умеем зарабатывать деньги, и потому мы будем говорить вам, что хорошо, а что плохо». И ведь говорят, задавая тон нашей сегодняшней культурной жизни. Несмотря на то, что вкус у них весьма сомнителен, потому что большинство этих людей произошло (как бы сказать помягче?) из купеческо-товарной среды, для которой идеал красоты — в лучшем случае Купидон, а в худшем — вещи совсем запредельные. Причем, заметьте, к вкусам народа их вкусы не имеют никакого отношения, что не мешает им навязывать массовому зрителю свои суррогатные представления о красоте.

С какой легкостью потекли из заграницы к нам их Купидоны! Пошлитина просачивается на нашу территорию через любые щели, ее текучесть приравнивается к антифризу — она проникает везде. Все, что сделано в мире дурного, вылилось на нашего зрителя: «чудесные» мексиканские и бразильские сериалы, бесчисленные американские боевики.

Но, к счастью, остатки нашей культуры уцелели, что меня бесконечно удивляет. Я думал, будет гораздо хуже. Все-таки можно назвать нескольких режиссеров, «сохранивших» себя.

— Кого же?

— Яркое проявила себя Кира Муратова, ей действительно нужны были новые возможности, хотя она и раньше говорила то, что хотела. Событием десятилетия для меня явились также фильмы Леши Германа, Сокурова. Сокуров смог пробыть еще в те годы, когда всем заправляли генералы от кино, но в той сублимированной обстановке он «настроил» свой голос на очень высокую ноту. А сейчас нашел себя, у него появилась уверенность в проекте, точность замысла, он смело делает вещи, на которые раньше не решился бы.

В интересных поисках находились Володя Хотиненко, Леша Балабанов, хотя «Брат» и «Брат-2», вызывающие восхищение у зрителей, меня огорчили. Понимаю, что подобные фильмы необходимы, но мне обидно, что их делает Балабанов, человек с такими потенциальными возможностями.

Вообще в искусстве нельзя быть суетливым. И как невероятно трудно сделать в нем шаг вперед!

— Какое поколение, на ваш взгляд, определяет сегодняшний кинопроцесс?

— Поколение 40-50-летних людей. Молодые за эти 10 лет просто не могли прорваться или делами американского кино, в лучшем случае, клипы. Но ведь если ты хочешь выпить бургундского вина, то не станешь пить бургундское молдавское разлива, лучше купишь настоящее. Так и я, захочу посмотреть вестерн — смотрю американский вестерн, а не подделку под него. Думаю, что зритель тоже, он же не дурак.

— Должно ли кино откликаться на социальную жизнь?

— Ни в коем случае! Нельзя даже думать об этом. Помните, как одно время писателей посылали для изучения жизни на стройки Сибири или на Братскую ГЭС? И что они после этого писали? Приведу еще один пример: герой картины «Естественные враги» отверг статью космонавта Армстронга, которую тот принес к нему в журнал. Армстронг удивился: «Я всем отказал, хотел ее напечатать именно в вашем журнале, а вы не берете. Почему?» — «Потому что я еще мальчишкой, живя в далеком штате Оклахома, смотрел на небо в маленькую подзорную трубу и увидел в нее в тысячу раз больше, чем Вы, который по Луне ходили».

Никакое специальное изучение жизни, так же, как и прямые отклики на нее, не являются гарантией того, что вы что-то про эту жизнь поняли.

— А как сложилась ваша собственная творческая судьба в это десятилетие?

— Это было тяжелое время. Жалко, что оно совпало с важным для меня периодом жизни. Я пришел в кино в середине 80-х. Начало было счастливым — удалось сделать картины, пусть не совершенные, но честные, выражающие то, что я чувствую и думаю. И вот, когда мне нужно было развиваться дальше, возможности снимать кино просто исчезли. Особенно плохо пришлось после «Музыки для декабря». Реакция нашей кинообщественности оказалась крайне негативной. Чего я только о картине не услышал!

А мне хотелось сделать именно такую картину, неэффектную, холодноватую. Она соответствовала моему психологическому состоянию на тот момент (далеко не лучшее). Немного утешало то, что «Музыка для декабря» хорошо смотрели те люди, которые приходили в кинотеатры (а тогда вообще в кино мало кто ходил). В Киноцентре она была показана раз 15 — и битком полные залы! Это позволяло думать, что фильм не так уж плох, как говорят. Потом его повезли в Канны. Но ничего не помогло — за мной уже утвердилась репутация безнадёжного режиссера, что очень мешало в ситуациях, когда решался вопрос о получении денег для новых проектов — мне вежливо улыбались, что-то даже обещали, но я читал в глазах собеседников: «Он снял ужасную картину, у него ничего хорошего не получится».

Мне казалось — я к этому отчасти готов. Но вскоре выяснилось, что пережить такое невероятно трудно. Быть безработным тяжело. И как важно при этом не суетиться, не предлагать проекты, которых ты потом стыдишься бы!

Все же на одну удачку я попался — я имею в виду «Крестноносцы-2». Фильм делал другой режиссер, что-то у него не складывалось, и Ассоциация каскадеров предложила мне сделать свою историю, взяв за основу уже снятый материал, за что пообещали потом помочь с деньгами на следующий фильм.

И я взялся за жанр, которого немного побаивался, но в котором уже давно хотел себя попробовать — за фарс. Кроме того, я никогда не работал с теми известными, маститыми артистами, которые участвовали в съемках «Крестноносца». У них был свой творческий почерк, свои сложившиеся интонации, и я страшно боялся, что не смогу преодолеть их актерские штампы. Но вдруг выяснилось, что эти звездные люди — прекрасные, искренние, живые актеры, способные с удовольствием экспе-

риментировать, проявляя себя совершенно в новом качестве. С каким блеском, например, сыграл Николай Еременко! Но, к сожалению, то, что я не мог сам произвести выбор актеров, все-таки сказалось на результате — некоторые из исполнителей откровенно слабы. Так я расплатился за вынужденный компромисс.

Есть и другие вещи, которые мне в картине не удалось исправить, не стану о них говорить, думаю, все и так видно на экране. Тем не менее, это мой фильм, я не снял свою фамилию с титров и благодарен судьбе за то, что в то тяжелое время мне удалось снимать, пусть даже такое компромиссное кино. Пресса о «Крестноносцах» почти не писала. Помню только одну статью — журналист написал: «Это худшая картина, которую я видел за последние 10 лет», — и в конце добавил: «А может быть, самая гениальная». Я так и не понял, похвалили меня или пытались уничить.

— А как проагировали заказчики?

— Просто не выпустили ее. Но, что интересно, до определенного момента они картину принимали и хохотали на просмотрах вместе со всеми, а потом съездили на «Киношок» и там, к их великому разочарованию, им объяснили, что фильм кошмарный и вообще не надо было меня приглашать. Кстати, не в нашем кинематографе привычная система отношений — у вашего коллеги спросят: «Стоит ли Дыховичному дать на кино деньги?» И он тут же ответит: «Дыховичному? Упаси вас Бог!» Мне же кажется, что даже совершенно безнадежным, на первый взгляд, людям можно дать шанс попробовать, поэкспериментировать.

— Судя по тому, что после «Крестноносцев» вы долго ничего не делали, обещанные деньги вам Ассоциация не дала? Обманули товарищи каскадеры?

— Сегодня это не называется обмануть, они меня просто «кинули», причем сами остались в убеждении, что обманул их я — должен был сделать нормальную картину, а сделал черт-те что.

И опять я оказался без работы. То кино, которое мог бы снимать, никому не было нужно, и я пошел на РТР, но не сериалы делать — главным режиссером. Оказалось невероятно интересно — другая визуальная культура, совершенно другая фактура, которая, к сожалению, находится в руках людей, далеких от понимания того, чем владеют.

На телевидении я приобрел полезный опыт общения на высших уровнях чиновничества. И если бы не пара-тройка моих ошибок, мог бы, наверное, и дальше прекрасно существовать на канале.

— Вам удавалось как-то влиять на ситуацию?

— Думаю, да. Удалось выпустить неплохие передачи, разработать межпрограммное оформление. Другое дело, что все мои усилия, может быть, были не очень заметны. При почти 20-ти часовом вещании многое просто размывается. Но все равно, я был очень рад, что что-то получается. До телевидения у меня был комплекс по поводу общения с большой аудиторией. Но как только раз в неделю я стал вести свою передачу, он исчез. Я понял, что надо верить в свои силы, быть естественным и не бояться показаться несерьезным, не стараться все делать так, как будто это последняя съемка в твоей жизни.

Я получал удивительные письма, чего совершенно не ожидал, читал их с огромным интересом. Писали из глубочайшей провинции — люди регулярно смотрели мою передачу (в час ночи!), что для тех, кто работает — абсолютнейший подвиг.

— После вашего ухода передачи, придуманные вами, остались?

— Когда меня убрали с канала, то убрали и их.

— Из принципа?

— Не думаю, просто мои передачи были им глубоко неприятны. На РТР делается совсем другое телевидение — информационно-политическое, хотя, с моей точки зрения, ажиотация вокруг политики уже умерла. На Чечню смотрят как на обыденность. Кровь никого не волнует. После трагедии с подводной лодкой все понемногу успокоилось, и само телевидение стало спокойное, бюргерское.

Кроме информации нашему телевидению нужен только кинопоказ, причем только американские фильмы. Передачи на темы культурной жизни его не интересуют. Ну, как говорится, дай Бог вам здоровья и мужа хорошего.

(Окончание на с. 8)